

Александр Пархоменко

ИМПЕРИЯ НОЧИ

Александр Пархоменко

Империя ночи

«Автор»

2025

Пархоменко А.

Империя ночи / А. Пархоменко — «Автор», 2025

Жизнь в ночи обычного молодого человека из провинции становится непредсказуемой. Что будет с ним и его старым миром?

© Пархоменко А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Провинция	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Пархоменко

Империя ночи

Глава 1. Провинция

Серый город задыхался в осенней сырости. Асфальт блестел после дождя, лужи отражали тусклый свет фонарей, а дома, облупленные и кривые, словно тонули в тумане. Утро здесь ничем не отличалось от вечера – одинаково глухое, одинаково вязкое.

Илья стоял у окна своей комнаты. За стеклом виднелся двор: пустая детская площадка, проржавевшие качели, парочка собак, которые шарили носами по мусорным пакетам. Он знал каждую трещину на асфальте, каждую вмятину в металлическом заборе. Всё это было ему слишком знакомо – и оттого невыносимо.

В руках он держал письмо – заветный документ с гербовой печатью. Университет в Москве. Поступил. Его билет в другой мир.

– Сын, – голос отца раздался из кухни, глухой, усталый. – Иди сюда.

Отец сидел за столом, перед ним – бутылка дешёвой водки и кусок чёрного хлеба. Лампочка под потолком мигала. Комната пахла табаком и горечью.

– Садись, – сказал он, пододвигая сыну стакан. – Сегодня ж уезжаешь.

Илья сел. Стакан остался полным: он не хотел пить.

– Ну что, в Москву? – отец усмехнулся. – Думаешь, она ждёт тебя?

– Никто не ждёт, – спокойно ответил Илья. – Но я сам возьму.

Отец вскинул бровь и уставился на него долгим, тяжёлым взглядом.

– Там таких, как ты, тысячи. Мечтатели. Их там ломают пополам, – он сделал глоток, морщась. – А тут... тут ты хоть свой.

Илья сжал кулаки, но промолчал. Слова отца ранили, но не могли остановить. Он чувствовал: если останется здесь, то потеряет себя.

– Москва – другой мир, – тихо сказал он. – И я должен туда попасть.

Отец махнул рукой, словно отгонял надоедливую муху.

– Делай как знаешь. Только помни: столица – она живьём глотает людей.

Ночью Илья вышел во двор. Воздух был влажным и тяжёлым. Фонари горели тускло, как будто сами устали светить. В подъезде пахло сыростью и кошками.

Он прошёлся по пустой улице, будто хотел запомнить каждую её деталь: облезлую остановку, забор школы, тёмные окна соседских квартир. Это была его жизнь до сих пор. И завтра всё это останется позади.

В груди разливалось странное чувство – смесь тревоги и радости. Казалось, город смотрит ему вслед, цепляется за него серыми руками.

Позже он встретился с друзьями – школьной компанией, что собиралась на лавке у подъезда. Все пили пиво, смеялись, но смех был нервным.

– Ну, москвич, – сказал один из ребят, хлопнув его по плечу, – не забудь нас, когда в депутаты попадёшь.

– Или в олигархи, – подхватил другой.

Девушка по имени Лена – его первая школьная влюблённость – сидела рядом и молчала. Только в конце, когда все разошлись, она подошла ближе.

– Ты правда уедешь? – спросила тихо.

– Да. Завтра утром.

Она кивнула и отвела взгляд. На секунду Илье захотелось обнять её, сказать что-то важное, но слова застряли. Между ними всегда была недосказанность.

Лена шагнула вперёд и быстро поцеловала его в щёку.

– Удачи, – сказала она и исчезла в темноте двора.

Возвращаясь домой, Илья чувствовал странную пустоту. Он понимал: этот мир остаётся позади навсегда. И какой-то голос внутри тихо шептал: *Москва ждёт тебя. Но не так, как ты думаешь.*

Утро было хмурым, тяжёлые облака нависали над городом, будто собирались придавить его окончательно. Илья вышел из подъезда с рюкзаком и маленьким чемоданом. В руках он сжимал билет на поезд до Москвы.

Дорога к вокзалу шла мимо старых гаражей и заброшенного склада. Пахло ржавчиной, мокрым железом и табачным дымом. Вдруг из-за угла показались трое парней. Он узнал их сразу – местные, с которыми у него давно были недобрые взгляды.

– О, наш студент, – сказал один, в спортивной куртке, ухмыляясь. – В Москву, значит, собрался?

– Ага, великим человеком станет, – добавил второй, сплёвывая на асфальт. – Ты-то думаешь, там тебя ждут?

Илья молчал, шаг ускорил. Но дорогу перегородили.

– Подожди, – ухмыльнулся первый. – Давай отметим твой отъезд.

Он толкнул Илью в грудь. Тот попытался оттолкнуть его, но удар пришёлся в челюсть – и мир на секунду померк.

Илья отшатнулся, но тут же схватил кулак противника. Силы были неравны: он ударил, попал, но другой лишь рассмеялся. Второй врезал по боку, третий заломил руку.

Он пытался вырваться, пнул одного, но получил коленом в живот. Воздух вылетел из лёгких, в ушах зазвенело.

– Москвич, – прошипел кто-то ему в лицо, – запомни: ты всегда будешь деревенским.

Они толкнули его в грязь, сплюнули рядом и ушли, смеясь.

Илья поднялся медленно, дрожа от злости. На губах – вкус крови. В груди – унижение. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

"Когда-нибудь... когда-нибудь вы сами будете бояться моего взгляда," – мелькнула мысль, такая яркая и чужая, что он сам удивился ей.

На вокзале он сидел на скамейке, вытирая разбитую губу платком. Люди вокруг спешили: женщины с сумками, дети, мужчины в пиджаках. Все куда-то ехали, что-то начинали.

Илья смотрел на рельсы. Казалось, что они уходят в бесконечность. И где-то там, за горизонтом, ждёт Москва. Не добрая и приветливая, а тёмная, тяжёлая, но настоящая.

"Я вернусь другим," – думал он. – "И больше никогда не упаду в грязь."

Поезд тронулся. Город остался позади, растворяясь в дымке. Впереди его ждало то, что изменит всё.

Поезд отходил поздно вечером. Целый день Илья собирал вещи, проверял документы, но мысли возвращались к ночному разговору с отцом.

– Ты вернёшься, – повторял тот с утра, хмурясь. – Тебя там никто не ждёт. Лучше бы устроился на завод, как все нормальные пацаны.

– Это *ты* хочешь, чтобы я был, как все, – резко ответил Илья.

– Потому что жизнь другая не для нас! – взорвался отец, и бутылка с недопитой водкой стукнулась о стол. – Ты думаешь, ты особенный? Да ты такой же... такой же, как я!

Эти слова больно резанули. "Как он" – значит, прожить жизнь в этом доме, среди грязи и усталости? Стать тенью?

Илья поднялся из-за стола.

– Я не ты, – тихо сказал он.

Отец ухмыльнулся, шагнул к нему ближе.

– Да ты... – начал он, но договорить не успел.

Илья ударил. Сухо, резко. Его кулак встретил щеку отца, и тот пошатнулся, упав на стул. На мгновение повисла тишина. Только капанье воды из крана.

Отец поднял глаза – не злые, а усталые.

– Ну вот, – прошептал он. – Уже чужой...

В этот момент в дверях показалась мать. Она была худой женщиной с усталым лицом, но в её глазах было тепло. Она всегда пыталась быть миротворцем в семье.

– Что вы творите? – её голос дрогнул. – В последний день, Илья...

Он опустил руки.

– Мам... я не могу здесь остаться. Если я не уеду – пропаду.

Она подошла, обняла его. Её руки были тёплыми, тонкими, пахли хлебом и стиранным бельём.

– Я знаю, сынок. – Она погладила его по волосам. – Ты всегда хотел большего. Просто помни: где бы ты ни был, у тебя есть дом.

Он кивнул, чувствуя, как горло сжимает.

Вечером поезд дёрнулся и медленно пополз по рельсам. За окном мелькали огни станции, потом они растворились во тьме. В вагоне пахло железом и чаем в гранёных стаканах. Люди укладывались спать, а Илья сидел у окна, не в силах сомкнуть глаз.

Мысли путались. Он вспоминал взгляд отца – его тяжёлый, сломленный взгляд. Вспоминал руки матери – мягкие, прощающие. И драку утром, и унижение, и поцелуй Лены на прощание. Всё смешалось в его душе.

Он закрыл глаза, и вдруг показалось: поезд несётся не через поля, а сквозь ночной город. Огни мелькали, как глаза зверя. Башни возвышались, как чёрные клыки. В темноте слышался шёпот – Москва звала его.

Он вздрогнул и открыл глаза: перед ним было лишь отражение собственного лица в стекле. Но в отражении глаза на миг показались чужими – тёмными, горящими.

"Это город ждёт меня... но зачем?" – подумал он.

Поезд мчался в ночь.

Глава 2. Москва

Поезд плавно остановился, и вагон наполнился голосами, звоном термосов, шорохом чемоданов.

Илья стоял у выхода, глядя в мутное окно: серое московское утро, густое, как дым.

Он прижал к себе рюкзак, вздохнул и шагнул наружу.

Курский вокзал встретил гулом. Толпа двигалась, как поток воды – мощно, безразлично. Люди бежали, переговаривались, кто-то ругался, кто-то смеялся. Никто никого не видел.

Воздух был другой – тяжёлый, пахнувший кофе, бензином и мокрым железом.

Сразу захотелось пить и спать одновременно.

Он вышел на улицу, остановился.

Москва.

Её невозможно было понять с первого взгляда. Слишком большая, слишком уверенная в себе.

Дома тянулись вверх, окна сверкали, как холодные глаза.

Мимо проносились машины, люди шли быстро, будто им принадлежало время. Илья достал из кармана листок с адресом общежития, вызвал метро и поехал.

Подземка казалась подземным царством: гул, свет ламп, люди в чёрных куртках, глаза, отражённые в стёклах дверей.

В каждом взгляде – равнодушие, в каждой спешке – усталость.
Он вышел у станции “Студенческая”.

Дворы здесь были серыми, засыпанными грязным снегом. Между домами – провода, собаки, киоск с шаурмой, где продавец зевал, не глядя.

Общежитие стояло в глубине: облупленная пятиэтажка с металлической дверью, на которой кто-то ножом вырезал «Живи быстро».

Комната досталась маленькая, с одной кроватью и узким окном.

Из кухни пахло макаронами и дешёвым пивом.

На стене – пятна, на подоконнике – чужие окурки.

Он поставил чемодан, достал фото матери, поставил рядом с кроватью.

– Мам, я здесь, – тихо сказал он. – Справлюсь.
Первые дни были похожи один на другой.

С утра – университет: серые стены, преподаватели, говорящие сквозь зевоту, студенты, занятые только собой.

После пар – работа курьером.

Он бегал по улицам с тяжёлым рюкзаком, мёрз, ел на ходу, слушал шум города.

Поначалу всё казалось новым, даже красивым – мосты, огни, запах кофе на ветру.

Но через неделю восторг исчез, и осталась усталость.
Вечером он возвращался в общежитие.

В коридоре кто-то орал песню под гитару, кто-то ругался с девушкой по телефону.

На кухне кипел чайник, шипело масло, пахло чем-то пригорелым.

Он садился на кровать, открывал ноутбук, но смотреть было не на что.
Иногда он включал видеозвонок – мать улыбалась, спрашивала, всё ли в порядке.

Он кивал, отвечал, что “всё хорошо”, хотя на самом деле чувствовал себя пустым.

После разговора сидел в тишине и думал: “А зачем всё это? Ради чего?”
Однажды вечером, возвращаясь после смены, он остановился у витрины.

Отражение смотрело на него чужими глазами: уставшее лицо, щетина, потухший взгляд.

Он провёл пальцем по стеклу, оставив след.
"Я ведь мечтал стать другим..."

А стал кем?"

За стеклом горели неоновые буквы: **Москва живёт ночью**.

Он усмехнулся – слишком точная надпись.

Город действительно оживал, когда солнце уходило.
Пару дней спустя Илья получил новый заказ – ресторан “Белая Гвоздика”.

Он слышал о нём от других курьеров: там обедали чиновники, артисты, какие-то загадочные клиенты.

Обычным людям туда путь был закрыт.

И всё же заказ пришёл – адрес, код, сумма, всё в порядке.

Он поехал.
Дождь моросил, улицы блестели.

Когда он вошёл в ресторан, воздух словно изменился.

Здесь не пахло едой. Здесь пахло деньгами, вином и чем-то ещё – металлическим, ледяным.

Метрдотель взглянул на него холодно, но пропустил.

Он прошёл по залу, держа сумку, и вдруг почувствовал взгляд.

В углу, за столом, сидели четверо – трое мужчин и женщина.

Все – идеально спокойные, одетые в чёрное.

Они не ели, не пили. Просто сидели и смотрели на мир, как на спектакль.
Илья отвёл глаза, но когда обернулся, один из них – высокий, с серебряным перстнем – смотрел прямо на него.

Глаза – тёмно-серые, почти прозрачные.

Улыбка – едва заметная.
– Курьер, да? – спросил он, и голос был слишком тих, но отчётливо слышен даже через шум зала.

– Да, – ответил Илья, чувствуя, как горло пересохло.

– Москва тяжёлая для новеньких. Но ты держисься... пока.
Илья не понял, шутит тот или говорит всерьёз.

Он кивнул, поставил заказ и быстро ушёл.

Но когда вышел на улицу, его сердце билось так, будто он пробежал километр.

В ушах звучал тот же голос:

"Ты держисься... пока."

В общежитии всё жило своим ритмом.

Кто-то смеялся, кто-то ссорился, кто-то стучал по гитаре до трёх ночи.

В коридоре пахло лапшой и дезодорантом, за дверями играли сериалы.
Илья пытался быть частью этого мира.

Иногда садился с соседями на кухне – “за жизнь”.

Там всегда стояла бутылка, разговоры текли легко и громко.

– Москва, брат, – сказал однажды сосед Кирилл, студент журфака, – она всех ломает. Но кто не ломается, тех она поднимает.

– А кто не знает, чего хочет, – добавила девушка напротив, Лера, с чёрными волосами и серьгой в брови, – тех она просто съедает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.